

поэта.⁴⁵ Его ода на взятие Гданьска, написанная к «вящей славе» императрицы Анны, посвящена ее фавориту-немцу, всемогущему герцогу Бирону, и изобилует уверениями в преданности.⁴⁶

Тем не менее Тредиаковский отнюдь не одобрял немецкое влияние в России. В середине 1730-х гг. это было для него чистой теорией, к тому же не политического, а культурного характера. Эти и последующие годы Тредиаковский занят утверждением национальной культуры, противопоставляемой Западной Европе, причем его интересует отношение не только к Германии, но и к Франции. В «Способе» это, в частности, проявляется в рассуждении о рифме. Причисляя чередование мужских и женских рифм, считавшееся обычным во Франции и Германии, Тредиаковский требует для нового стиха сплошной женской рифмы, характерной для русской силлабики (ср. противоположную позицию Ломоносова в «Письме»). Далее Тредиаковский сообщает, что он и прежде защищал этот взгляд. При этом он якобы натолкнулся на ироническое недоумение: «с хитрою насмешкою», «подняв брови и улыбаяся», говорили оппоненты, что он, Тредиаковский, в этом пункте уклоняется от французского образца, лежащего будто бы в основе его концепции. Эта ирония направлена против автора, слывшего галломаном. Насмешники, однако, упустили из виду, что «измена» Тредиаковского французской культуре фактически зашла значительно дальше: новый русский стих должен был отличаться от французского не только рифмами, но и силлабо-тоническим принципом. Поэтому в «Способе» Тредиаковский имел право утверждать, что французский стих никакой роли в его реформе не сыграл, что лишь терминология — французского происхождения, что в действительности он опирается не на иностранную, а на отечественную традицию, — следует указание на русский фольклор.⁴⁷

В одном пункте, правда, ироничные оппоненты Тредиаковского не обманулись: в его понимании нового русского стиха проявилось изменение его культурной ориентации. Действительно, несмотря на «Эпистолу <...> к Аполлину» и содержащиеся в ней похвалы иностранным авторам, в 1735 г. Тредиаковский уже не был тем безоговорочным приверженцем западноевропейской, а в особенности французской, культуры, каким он предстал перед русскими читателями в 1730 г., после своего возвращения из многолетних странствий по Гааге, Парижу и Гамбургу.

Идеи раннего Тредиаковского получили яркое выражение в предисловии к его переводу французского любовного романа «Езда в остров Любви». Это предисловие — манифест молодого радикала, тон которого провокационен: противопоставляя Россию и достижения Западной Европы, Тредиаковский пытается шокировать при-

⁴⁵ Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 152.

⁴⁶ Тредиаковский В. К. Ода торжественная о здаче города Гданска. Во второй силлабо-тонической редакции, опубликованной в «Сочинениях» 1752 г., этого посвящения уже нет. Ср.: Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 459.

⁴⁷ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 383.